

Валерий Мокиенко

Способы имплицирования фразеологических единиц

Studia Rossica Posnaniensia 7, 89-106

1975

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ВАЛЕРИЙ МОКИЕНКО

Ленинград

СПОСОБЫ ИМПЛИЦИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Проблема имплицитности усиленно разрабатывается в лексикологическом плане в связи с так называемой семантической конденсацией (универбизацией, универбацией, семантическим сжатием, включением и др.) словосочетаний, т.е. упрощением последних в слово. Этот вопрос, поставленный в конце прошлого века Н. В. Крушевским и А. А. Потемной, решается в разных аспектах современными исследователями (А. В. Исаченко, В. В. Виноградов, А. Ф. Ефремов, Г. А. Селиванов, Л. Б. Перльмуттер, М. Ф. Палевская, Т. Н. Семёнова и др.), стимулируясь общелингвистическим „принципом языковой экономики”, выдвинутым А. Мартине. Особое значение проблема имплицитности имеет для теории и практики фразеологии: „сгущение” больших контекстов в меньшие, с одной стороны ведет к образованию фразеологизмов, с другой — является завершением противоречия между их раздельнооформленностью и семантической целостностью, т.е. приводит к превращению словосочетания в слово.

Наиболее детализированное описание способов имплицирования сочетаний дается исследователями процесса семантической конденсации. Так, А. В. Исаченко называет 6 способов имплицирования двучленных наименований в одночленные: словосложение, сопряжение, эллипс одного из компонентов, аффиксальная деривация, устранение грамматической „разнооформленности” двучленных сочетаний и сложносокращенные слова¹. Нетрудно заметить, что эта классификация несколько дробна. Некоторые ее деления неравноценны, представляя скорее разновидности более общей группы „конденсатов”, чем самостоятельную группу. Так, „сопряжение” и „устранение грамматической «раздельнооформленности» двучленных сочетаний” кажутся разновидностями словосложения.

¹ А. В. Исаченко, *Obecné zákonitosti a národní specifičnost ve vývoji slovní zásoby slovanských jazyků*. В кн.: *K historicko-srovnávacímu studiu slovanských jazyků*, Olomouc - Praha 1957, s. 146 - 148; его же: *K вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков*, „Slavia” 1958, 3, s. 341 - 343.

Вполне рациональной кажется поэтому одна из последних классификаций способов превращения словосочетаний (фразеологизмов) в слово, предложенная Р. Н. Поповым: 1) вычленение отдельных компонентов из структуры фразеологизма (*притча* < *притча во языцех*); 2) вычленение отдельных компонентов фразеологизма, осложненное аффиксацией (*баклушничать* < *бить баклуши*); 3) основосложение компонентов и объединение компонентных словоформ (*очковтирательство* < *втирать очки*, *сумасшедший* < *сойти с ума*)².

Хотя подобные классификации направлены на описание процесса сжатия сочетания в одну лексему, они могут быть распространены и на имплицирование фразеологизмов в целом: ведь эллипс, понимаемый широко, является доминирующим способом фразеологизации по линии „басня — пословица — поговорка”, описанной в свое время А. А. Потебней³. Оставляя в стороне количественный аспект проблемы имплицирования, т.е. вопрос о том, какой протяженности контексты подвергаются этому процессу, рассмотрим основные особенности трех типов „языковой экономии” в сфере словосочетаний: эллипс, словосложение и аффиксальное словообразование.

Все эти типы имплицирования активно участвуют в превращении сочетания в слово. Лишь эллипс можно назвать универсальным как в плане словообразования, так и в плане фразеологизации. Эллипс, ведя от большего контекста к меньшему, по сути дела, готовит почву и для словообразовательных процессов способом словосложения и аффиксации.

Рассмотрим каждый из названных способов.

1. ЭЛЛИПС СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Эллипсом обычно называют опущение члена высказывания, легко восстанавливаемого в контексте или речевой ситуации⁴. Как одно из наиболее характерных проявлений принципа языковой экономии, эллипс чаще всего рассматривается на речевом уровне⁵. Для фразеологов же, видящих в нем один из важнейших способов фразеологизации, чисто речевая трактовка

² Р. Н. Попов, *Словообразование на почве фразеологических единиц*, „Русский язык в национальной школе” 1973, № 5, стр. 2 - 8.

³ А. А. Потебня, *Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка*, Харьков 1894; Характерно, например, что все 5 типов „компрессии предложений”, ведущие к фразеологизации, которые описывает А. К. Кочетков, можно характеризовать как эллипс: *Компрессия речи и фразеологизация*. В кн.: *Очерки по русскому языку*, Воронеж 1972, стр. 26 - 28.

⁴ Ж. Марузо, *Словарь лингвистических терминов*, Москва 1960, стр. 342; О. С. Ахманова, *Словарь лингвистических терминов*, Москва 1966, стр. 525; Z. Gołąb, A. Heinz, K. Polański, *Słownik terminologii językoznawczej*, Warszawa 1970, s. 156.

⁵ См., напр.: Т. Г. Винокур, *Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи*. В кн.: *Развитие лексики современного русского языка*, Москва 1965, стр. 29 - 37.

кажется недостаточной. Не случайно такие принципиально „речевые” свойства эллипса, как привязка к контексту или ситуации, во фразеологическом спектре могут быть весьма условны. Эллиптирование фразеологизмов, как показывают объективные наблюдения, обусловлено не столько связью с контекстом или речевой ситуацией, сколько внутренней структурой, типом устойчивого сочетания⁶.

Это и понятно: „эллипсис фразеологической единицы, начинаясь в речи, постепенно приводит к образованию в языке параллельно существующих полных и усеченных языковых сочетаний”⁷. Эти сочетания становятся нормированными, воспроизводимыми в готовом виде и соотносятся с контекстом лишь как элементы, воплощающие целостную семантику всего фразеологизма. Актуализация, восстановление эллиптированной части сочетания контекстом или речевой ситуацией, естественно, значительно усложняется.

Процесс автоматизации эллиптированных сочетаний обеспечивает и столь необходимый для фразеологизации отрыв от большего контекста, и столь важное для нее складывание особого структурно-семантического типа сочетания слов. Естественна поэтому трактовка фразеологического эллипса как характерной идиоматической особенности известным английским фразеологом Л. Смитом⁸. Фразеобразующая роль эллипса особенно ярко проявляется в формировании особых структурных типов устойчивых сочетаний.

Одним из наиболее характерных для русской и вообще славянской (в частности, польской) фразеологии типов является тип оборотов с опущенным существительным и субстантивированным прилагательным-определением (*уз-нать всю подноготную, отправиться на боковую; do ostatniego, tanczyć do upadłego* и под.). Этот тип был тщательно исследован Л. И. Ройзензоном, установившим тесную взаимосвязь между опущением компонентов сочетания, субстантивацией компонентов-прилагательных и фразеологизацией оборота в целом⁹.

Неразрывная связь субстантивации прилагательных с универбизацией сочетаний существительного с прилагательным хорошо известна¹⁰. И хотя

⁶ В. Н. Телия, *О вариантах протяженности идиом*. В кн.: *Система и уровни языка*, Москва 1969, стр. 203; Jozef Mlacek, *Fakultatívne členy frazeologickej jednotky*, „Slovenská reč” 1970, t. 35, s. 208.

⁷ И. В. Абрамец, *К вопросу об эллипсисе фразеологических единиц*. В сб.: *Актуальные проблемы лексикологии*, вып. II, ч. II, Новосибирск 1969, стр. 106.

⁸ Л. Смит, *Фразеология английского языка*, Москва 1959, стр. 28 - 29.

⁹ Л. И. Ройзензон, *Русские фразеологизмы и субстантивированные прилагательные*, „Труды Самаркандского университета” 1962, (нов. сер.), вып. 118, стр. 15 - 30; его же: *O niektórych właściwościach substantywowanych imiesłowów na - w języku czeskim*, „Poradnik językowy” 1959, nr 2, s. 124 - 132.

¹⁰ St. Jodłowski, *Substantywizacja przymiotników w języku polskim*, Wrocław - Warszawa - Kraków 1964; El. Kučerová, *Univerbizácia substantivizáciou dvojslovných pojmenování oboj*, „Slavica Slovaca” 1973, I, s. 3 - 14.

этот исходный эллиптический импульс субстантивации осложняется в процессе функционирования и развития прилагательных и причастий многими факторами, он постоянно накладывает глубокий отпечаток на специфику субстантивированных слов как особой категории существительных¹¹.

Для „дешифровки” процесса имплицирования при субстантивации большое значение имеет вывод о ее двух типах, сделанный Л. И. Ройзензоном: подлинной субстантивации, когда из сочетания выпадало существительное (*горничная* < *горничная девушка*, *портной* < *портной мастер*) и мнимой субстантивации, когда последняя происходила по готовой модели (*шашлычная*, *пельменная*, *пирожковая*)¹². Во фразеологии разграничение этих типов особенно важно, ибо от него в конечном итоге зависит раскрытие исходной мотивировки оборота.

Так, диахроническая трактовка фразеологизма *пойти на попятный* (*на попятную*) „отказаться от прежнего решения, мнения, обещания” невозможна без такого разграничения. Сразу возникает вопрос: какой из вариантов субстантивированного компонента — *попятный* или *попятную* — принять за первоначальный? Ответ на него облегчается фактом, что форма женского рода фиксируется лишь позднейшими толковыми русскими словарями и редко представлена в диалектах¹³. Можно поэтому согласиться с предположением Л. И. Ройзенсона, что вариант *пойти на попятную* вторичен: это результат воздействия модели сочетания „предлог *на* + сущ.” (*на удалую*, *на боковую* и под.), складывавшейся в XIX в.¹⁴ Следовательно, учитывая модельное образование варианта *пойти на попятную*, можно определенно отказаться от сущ. женского рода.

Иное дело — вариант *пойти на попятный*. Лексикографические источники XVIII и XIX вв. отражают его, как правило, с опущенным позднее именным компонентом: *пойти на попятный двор*¹⁵. Отражен он и диалектными источниками — как в развернутом (*на попятный двор*)¹⁶, так и имплицированном

¹¹ О процессе субстантивации см. в последних исследованиях по данной проблеме: St. Jodłowski, указ. соч., В. В. Лопатин, *Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке*. В кн.: *Русский язык. Грамматические исследования*, Москва 1967, с. 205 - 233; Р. Б. Мамедов, *Субстантивация в разносистемных языках* (докторская диссертация), Баку 1973; V. Straková, *Substantivní derivace (v ruštině a v češtině)*, Praha 1973.

¹² Л. И. Ройзензон, указ. соч., стр. 26.

¹³ Ср., напр. воронежск. *в попятную* и *напопятную*: Е. Н. Шестакова, *Материалы к диалектному фразеологическому словарю Воронежской области*. В сб.: *Вопросы фразеологии VI*, Самарканд 1972, стр. 266.

¹⁴ Л. И. Ройзензон, указ. соч., стр. 22 - 23.

¹⁵ М. Ф. Палевская, *Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в.*, Кишинев 1972, стр. 159 - 160.

¹⁶ В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. III, Москва 1955, стр. 310. Ниже — в сокращении: Д.

(на понятный)¹⁷ виде. Все это позволяет с большой долей достоверности реконструировать в качестве исходной именно форму *пойти на понятный двор*.

Аналогичным образом устанавливается и первичная форма оборота *пущаться во все тяжкие*, имеющего варианты *пущаться во вся тяжкие* и *во все тяжкое*¹⁸. Здесь опущенным именным компонентом оказывается слово *колокола*, поскольку первоначальным смыслом выражения было „ударять во вся тяжкие колола”, т.е. звонить с исключительной силой¹⁹.

Задача нахождения исходного варианта значительно облегчается, если мы имеем надежную фразеологическую модель с тождественной структурой и относительно общей семантикой. Такова, например, серия устаревших сочетаний, связанных с конным транспортом: *ехать на долгих, на почтовых, на переменных, на передаточных, на сдаточных, на перекладных, на своих*²⁰, *на обывательских* (Д. II, 637), *на перекидных* (Д. III, 57), *на сквозных* (Д. IV, 195), *на простых*²¹ и под. Опущенный именной компонент — *на долгих* и т.д. **лошадях** здесь легко восстанавливается, ибо именно он может быть смысловым центром, вокруг которого группируются все эти сочетания.

Наличие этой структурно-семантической модели помогает вполне определенно решить вопрос о происхождении оборота *на кривой не объедешь* „не перехитришь, не обманешь”, до сих пор дискутируемый фразеологами. В. И. Даль приводит этот оборот в двух полных вариантах: *его на кривых оглоблях не объедешь* и *на кривой лошади плута не объедешь* (Д. II, 193). „Фразеологический словарь русского языка” (ниже ФСРЯ) фиксирует, кроме вариантов *на кривой саврасой* и *на кривых вороных*, и оборот *на кривой козе не объедешь* (стр. 292 - 293). Какой именной компонент признать исконным?

М. И. Михельсон отвечает на этот вопрос, отталкиваясь от существительного *оглобли*, объясняя смысл выражения тем, что „кривые, гнутые оглобли — удобнее”²². Л. И. Ройзензон предполагает здесь опущение компонента *лошадь*, реконструируя исходное сочетание *на кривой лошади не объедешь*²³. Приводимая выше фразеологическая модель *ехать на почтовых, долгих* и под. **лошадях** подтверждают трактовку Л. И. Ройзензона. Еще убедительнее она выглядит при привлечении польского материала: *Na zdrowym koniu na targ, na chromym do domu; Na lekowanym koniu daleko nie pojedziesz; Nie daj*

¹⁷ Д. К. Зеленин, *Дополнительные и критические замечания о Вятской лексике*. — Сб. ОРЯС, т. 76, № 2, 1903 стр. 123 и др.

¹⁸ Л. И. Ройзензон, указ. соч., стр. 16 - 17.

¹⁹ *Фразеологический словарь русского языка*, Москва 1967, стр. 485.

²⁰ И. С. Ильинская, *О богатстве русского языка*, Москва 1963, стр. 32 - 33.

²¹ *Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири*. Сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров, ред. Ф. П. Филин, Новосибирск 1972, стр. 118. Ниже — СФС.

²² М. И. Михельсон, *Русская мысль и речь*, т. I, Санкт - Петербург 1902, стр. 602.

²³ Л. И. Ройзензон, указ. соч., стр. 27 - 29.

Boże, konia leczycь, bo na leczonym źle jeździć²⁴. Польские пословичные аналогии помогают предельно прояснить смысл русского фразеологизма: *его на кривой (лошади) не объедешь, потому что кривая (т. е. хромяя) лошадь едет медленно*. Характерно, что и в польских пословицах происходит эллипс номинативного компонента с субстантивацией прилагательного: *na chromym do domu, na chromym do domu jada* (op. cit., s. 134).

Как видим, варианты *и на кривой козе не объехать*, *и на кривых оглоблях не объехать* и др. на фоне модели *ехать на почтовых* и польских пословиц выступают как периферийные, индивидуальные трансформации исходного образа фразеологизма, связанного с *кривыми*, т.е. хромыми, физически неполноценными лошадьми.

Наличие структурно-семантической модели, как мы видели, облегчает нахождение опущенного при субстантивации именного компонента. Но, с другой стороны, подобная модель может быть вторичной, формальной, значительно оторванной от реального прототипа. В этом случае приходится признать мнимую субстантивацию а, следовательно, и невозможность реконструкции исходного сочетания. Таков, например, диагноз Л. И. Ройзензона по поводу фразеологизма *отправиться на боковую* (ук. соч., стр. 25)²⁵. Ср. ряд оборотов подобного типа: *брать за живое, отдавать должное, идти в открытую, идти напропалую*, польск. *brać za swoje*²⁶ и др.

Факт превращения субстантивации в продуктивную фразеобразующую модель заставляет быть осторожным при диахронической трактовке фразеологизмов данного типа. Тем более, что субстантивация может осложняться различными моментами, связанными с экспрессивной природой фразеологизма.

Так, оборот *задавать храповицкого* „крепко спать” рассматривается Л. И. Ройзензоном в одном ряду с фразеологизмами *узнать всю подноготную, идти на попятный двор* и т.д., где предполагается эллиптирование существительного (ук. соч., стр. 22). Такая трактовка кажется неверной уже потому, что не учитывает каламбурный характер оборота, его „подстройку” под модели образования фамилий²⁷. Ср. в этом плане: „Вижу — зело одолеает нас Ивашко Хмельницкий (т.е. хмель — В. М.), не было бы конфузии” (А. Толстой, *Петр Первый*). Особенно отчетлива эта „фамильная модель” в польском

²⁴ *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*, pod red. J. Krzyżanowskiego, t. II, Warszawa 1970, s. 134 [НКР].

²⁵ Ср., однако, такие диалектные сочетания, как *на воевую* или *на мировую*: *Словарь русских народных говоров*, вып. IV, Ленинград 1969, стр. 354. Ниже в сокращении: СРНГ.

²⁶ S. Skorupka, *Słownik frazeologiczny języka polskiego*, t. I, Warszawa 1967, s. 113. Ниже — Sk.

²⁷ Так воспринимали этот оборот уже в XVIII - XIX вв, ассоциируя его с именем писателя А. В. Храповицкого: см. заметку об этом выражении в журнале „Киевлянин” 1867, № 36, стр. 144. См. также: Ю. А. Гвоздарев, *Образование фразеологизмов*, „Русская речь” 1974, № 3, стр. 129.

языке, где этот антропонимический тип весьма активен: *usiąć Chrapickiego* (*Chrapowickiego*), *czytać dzieło Chrapowickiego* (НКР I, s. 291). И рус. *здать хрпавицкогo*, и польск. *usiąć Chrapowickiego* — перифраза глагола *хрпаеть*, *chrapać* „спать, дрыхнуть” (ср. также *здать хрпака*) с каламбурным переосмыслением под „фамильную модель”. Кстати, учет специфики образования этого оборота показывает, что соотношение компонентов *хрпак* и *хрпавицкиий* — иное, чем, например, в случаях *нести околесную* — *околесицу* или *прокатить на воронных* — *на черняках* (Д. IV, 595): если в последних случаях субстантивация предшествует словообразовательному оформлению компонента в существительное, то в случае с *здать хрпака* и *здать хрпавицкогo* речь идет о дублетных образованиях, возникших относительно самостоятельно.

Определенную дублетность фразеологизмов с субстантивированным и несубстантивированным компонентом приходится констатировать и в тех случаях, когда проблема исконности первого и второго осложнена активной вариантностью и смешением фразеологических моделей. Таково, например, взаимоотношение оборотов *хватить горя* и сиб. *хватить горького до слез* (СФС, 194)²⁸ и беломорск. *хватить горького до дна*²⁹ „испытать большие лишения, бедствия”. Учет литературной и диалектной фразеологии с данным значением и аналогичной структурой показывает сложную взаимосвязь этих сочетаний. В литературном языке находим обороты *пить (испить, выпить) горькую чашу до дна, хлебнуть (хватить) горя через край, хлебнуть через край, хватить (хлебнуть) лиха, вкусить горечи* и под. В диалектной речи диапазон синонимических замен именного компонента еще более расширяется: сиб. *хлебнуть горчанки, мурцовки, пивца* (СФС, 194 - 5), среднеобск. *хватить пивца* (Орел, 253), иркутск. *мурцовки хватить* (РАС, 194), омск. *хватить халипу, халипы*³⁰ и под. Характерно, что даже к таким, на первый взгляд, индивидуальным, вариантам, как *хватить пивца*, можно найти широкие славянские соответствия: напр., польск. *pawarzyc piwa* имеет и эксплицитные варианты, включающие сочетание „выпить пива” с подобным осмыслением: *Pij piwo, jakiego pawarzyl; Jakie kto warzy, takie pije piwo; Uwarzyli, beda pili* и др.³¹

²⁸ См. также: М. В. Орел, *Диалектная фразеология среднеобских старожильческих говоров*. В сб.: *Вопросы фразеологии VI*, Самарканд 1972, стр. 253 (ниже — в сокращении: Орел); Л. И. Ройзензон, Л. А. Андреева, *Словарь русской диалектной фразеологии южной части Охлонского р-на Иркутской области*. В сб.: *Вопросы фразеологии VI*, Самарканд 1972, стр. 198. Ниже — РАС.

²⁹ Картоотека словаря русских говоров Карелии, хранящаяся в межкафедральном словаре-кабинете им. Б. А. Ларина, Ленинградский государственный университет, Ленинград. Ниже — ККС.

³⁰ Н. К. Пахогина, *Заметки по фразеологии русских старожильческих говоров Омской области*. В сб.: *Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии*, Барнаул 1972, стр. 149.

³¹ Ср. др.-чеш. *Věru pěkného (piva) trefil: M. Červenka, J. Blagoslav, Česká přísloví, Praha 1970, s. 18.*

Видимо, модель „выпить” + „нечто горькое” → „испытать лишения” является весьма актуальной при образовании фразеологизмов. Этот вывод как будто позволяет признать для этой модели исходным компонентом именно прилагательное, подвергшееся позднее субстантивации: **выпить горького напитка* → *выпить горького* → *выпить горечи, горчанки* и под. Именной компонент затем синонимически заменялся (*мурцовки, пивца* и под.).

В эту схему, однако, не укладывается сочетание *хлебнуть (хватить) горя*. Встает вопрос: является ли сущ. *горе* одной из синонимических замен именного компонента типа *горчанка* или это также результат субстантивации прил. *горький*? Первому предположению противоречит широкое распространение оборота *хлебнуть горя* и формальное сходство слов *горе* и *горький*. Второму предположению — формальная несводимость лексемы *горе* к *горький*, хотя они и связаны этимологически³².

Вероятно, перед нами — сложное сплетение, контаминация нескольких фразеологических моделей. Одна из них — *испытать горе, мыкать горе* и под. исконно русская³³, вторая — восходящая к библейскому изречению *выпить чашу до дна*³⁴, осложненная прил. *горький*. Скрещение этих моделей привело, возможно, к образованию фразеологизмов и с субстантивированным компонентом (*хватить горького*), и с конденсатом сочетания „горький напиток” (*хватить горчанки*), и с компонентом, вообще несвязанным с субстантивацией (*хватить горя, хлебнуть горя*).

Учет перечисленных трудностей может сделать поиски номинативного компонента, имплицированного при субстантивации, более объективным. Принципиальную же плодотворность таких поисков доказывает уже сам факт, что этот тип имплицирования фразеологизмов является необычайно активным в русском языке.

2. СЛОВСОЛЖЕНИЕ СОЧЕТАНИЙ

Этот тип имплицирования сочетаний можно назвать наиболее мотивированным способом разрешения противоречия „раздельнооформленность : семантическая целостность”. При эллипсе происходит устранение компонентов сочетания, реконструкция которых бывает, как мы видели, весьма проблематичной. При аффиксальном словообразовании на основе сочетаний (типа *баклушничать*) утраченный компонент „кодируется” в словообразовательном

³² М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, ер. О. Н. Трубачев, ред. Б. А. Ларин, т. I, Москва 1964, стр. 440 - 445.

³³ Ср. в этом плане трактовку др.-рус. оборота *мыкать смагу*, диал. *смагу принимать* и др.: Ф. П. Филин, *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*, Ленинград 1972, стр. 600 - 601.

³⁴ Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина, *Крылатые слова*, Москва 1966, стр. 135 - 136.

форманте. При словосложении же компоненты словосочетания сохраняются, утрачивается прежде всего раздельнооформленность последнего. В этом смысле словосложение можно считать переходным этапом от сочетания к слову. Не случайно некоторые исследователи подчеркивают большую условность (в синхронном плане) разграничения сложных слов и словосочетаний по формальным признакам³⁵. Вместе с тем, именно „синтез значения и формы” сложного слова, убедительно продемонстрированный Б. Ю. Норманом, предостерегает от отождествления сочетаний и сложных слов. На необходимость учета структурных и семантических различий последних указывал еще в 1951 г. В. В. Виноградов, подчеркивающий различия слов *щелкопер*, *плодотворный*, *жизнестойкий* и сочетаний „щелкающий пером”, „творящий плод” и „стойкий по отношению к жизни”³⁶.

Словосложение основательно изучено на славянском, прежде всего на русском, материале³⁷. Большинство исследователей этого типа словообразования тесно связывают его с фразеологизацией. Именно фразеологизация, предшествующая словосложению, создает основные предпосылки для того принципиального различия слов типа *щелкопер* от соответствующих сочетаний, на которое указывал В. В. Виноградов. Словосложение как один из этапов того процесса, который современные лингвисты называют фразеологизацией, представлял в начале века И. А. Лось, описывающий на польском материале четыре последовательных стадии превращения свободного сочетания в композит: „синтаксическое выражение” → „сочетание двух или нескольких слов” → „сращение” и, наконец, → „сложение”³⁸. Характерно, что фразеологическая основа древних славянских композит является причиной яркой экспрессивности последних — такой вывод делает А. К. Кошелев после детального анализа большого материала, распределенного по следующим тематическим группам: „легко-

³⁵ Б. Норман, *Словосъчетаването и словосложението — синтез от значение и форма*, „Език и литература” 1973, кн. I, стр. 57.

³⁶ В. В. Виноградов, *Вопросы современного русского словообразования*, „Русский язык в школе” 1951, 2, стр. 4.

³⁷ Капитальным исследованием на эту тему, с исчерпывающим обзором литературы вопроса, является работа А. К. Кошелева: *Одна синтаксическо-морфологическая модель в славянских языках*, „Годишник на Софийския университет (филол. факултет)” 1964, т. 58, 2, стр. 3 - 99. См. также обзор новейшей литературы в указ. соч. Б. Ю. Нормана; статью А. Г. Лыкова, *О некоторых особенностях словообразования сложных имен прилагательных*, „Русский язык в школе” 1969, 5, стр. 74 - 80; З. Г. Николаенко, *К вопросу о сложных словах в говорах украинского языка*. В. сб.: *Совещание по ОЛА* (Ужгород, 25 - 28 сентября), Москва 1973, стр. 239 - 240; А. И. Моисеев, *Основосложение или словосложение?* „Studia Rossica Posnaniensia” 1972, z. 3, s. 67 - 74 и др. В индоевропейском плане проблему словосложения рассматривает Э. Бенвенист в сб.: *Общая лингвистика*, Москва 1974, стр. 241 - 256.

³⁸ И. А. Лось, *Сложные слова в польском языке*, „Ученые записки историко-филологического факультета Санкт - Петербургского университета” 1901, LXII, стр. 33.

мысле, ветреность”, „мотовство, пьянство”, „воровство, разбой”, „нахальство, грубость, заносчивость” и др.³⁹. В самом деле, такая экспрессивная „избирательность” славянских сложных слов разительно соответствует выводу Л. И. Ройзензона о том, что во „фразеологии отрицательно коннотированные поля всегда более мощные (в количественном отношении!) чем поля с положительной коннотацией”⁴⁰. Следовательно, и здесь, так же как и в плане сохранения мотивированности, сложные слова еще тесно связаны с фразеологизмами.

Этот факт дает основание рассматривать сложные слова в качестве ценного источника для исторического изучения фразеологии: первые нередко отражены такими древнейшими пластами лексики, как имена и прозвища людей (напр. *Мутижир, Толигъв, Вертиголов, Гузномаз* и др.⁴¹) и топонимы (*Дерибрюхово, Гологузово* и под.). Анализ такой лексики значительно увеличивает число потенциальных общеславянских фразеологизмов, которые успешно пытается реконструировать в III главе своей работы А. К. Кошелев (стр. 67 - 78).

Отношение к сложным словам как к своеобразному хранилищу фразеологии оправдано именно тем фактом, что они являются промежуточным этапом устранения противоречия „раздельнооформленность: семантическая целостность”, этапом, сохраняющим почти неприкосновенными оба компонента бывшего сочетания. Появление сложного слова — обычно показатель высокой автоматизации сочетания, оно знаменует начало исчезновения последнего. Так, с начала XVII в. в деловых документах средневековой России распространяется сочетание *полная мочь*, являющееся полонизмом (ср. также *зуполная моц суполная моц* и под. „полная власть, право, предоставленное верховной властью для совершения чего-н.”), автоматизация и шаблонизация которого приводит к тому, что уже на рубеже XVII - XVIII в. оно превращается в композит *полномочие* и вытесняется им.⁴² Это весьма характерный пример того, что в языке обычно сочетание и композит не сосуществуют, а второй сменяет первое.

И действительно, примеры дублирования сложных слов и сочетаний немногочисленны: *скалить зубы* — *зубоскал* (ср. *скалозуб*), *вертеть хвостом* — *вертихвостка*, *губить душу* — *душегуб* и под. Обычно один из членов такого дублета стилистически маркирован, причем чаще всего на языковой периферии оказывается именно сочетание: *дармоед* (ср. диал. *дарма* „даром”), *ротозей*

³⁹ А. К. Кошелев, указ. соч.

⁴⁰ Л. И. Ройзензон, *Фразеология и страноведение*, „Бюллетень по фразеологии” 1972, № 1, (Самарканд), стр. 18.

⁴¹ А. М. Селищев, *Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ*. В кн.: А. М. Селищев, *Избранные труды*, Москва 1968, стр. 117, 119.

⁴² См.: И. С. Хаустова, *Из истории социальной лексики „Ведомостей” 1703 г.* В кн.: *Из истории слов и словарей*, Ленинград 1963, стр. 173 - 183; Ф. П. Сергеев, *Из истории русской дипломатической лексики (XI - XVII вв.)*. В сб.: *Лексика и фразеология*, Кишинев 1973, стр. 27 - 33 и 40.

(ср. устар. *зиять* „открывать” и его и.-е. параллели), *краснобай* (ср. устар. *красно* „красиво” и *баять* „говорить”), *целкопер*, *куроцан* и под.⁴³ Характерно, что некоторые сочетания, которые можно получить искусственным разложением таких композит, уже будут восприняты современными носителями не как фразеологические, а как свободные: *блюдолиз* и *лизать блюдо*, *чисто-плюй* и *чисто плевать*, *головорез* и *резать голову*, *вырвиглаз* и *вырвать глаз* и под. В таких случаях наша реконструкция превращается в актуализацию этих бывших фразеологизмов, а следовательно, и в их дефразеологизацию. Они кажутся нам свободными, ибо вырываются из своего исторического контекста, из тех фразеологических моделей, которые некогда были активными.

Для полноценной реконструкции таких сочетаний необходимо включать в анализ как можно больше сложных слов тождественной структуры и семантики, т. е. проделывать операцию, подобную моделированию фразеологизмов при диахроническом их исследовании⁴⁴. Реконструируемое сочетание **резать голову*, например, не будет казаться свободным в контексте подобных реконструкций на основе сложных слов типа рус. *сорвиголова*, *сломиголова*, *ссекиголова*, *оторвиголова*, *урвиголова*, *сверниголова*⁴⁵, *головойом* (СРНГ VI, 312), *головотян* (там же), *ухорез* (Д. IV, 525); укр. *зайдиголова*, *зірвиголова*, *урвиголова*, *шибай-голова*, *пробийголова*; блр. *сарвігалава*, *зламігалава* и под. Как показывают славянские фразеологические параллели, приводимые к такого рода образованиям А. К. Кошелевым, в их основе лежат именно бывшие устойчивые сочетания.

Следует подчеркнуть, что в процессе имплицирования фразеологизмов словосложением может также происходить контаминация моделей, искажение первоначальной структуры сочетаний и их мотивировки. В этом случае обращение к фразеологическим моделям помогает установить наиболее вероятную этимологию слова. Так, слово *горлопан* трактуется либо как сложение лексем *горло* и *пан*⁴⁶, либо как суффиксальное образование от незафиксированного *горлопа*⁴⁷. При этимологизации этого слова, как кажется, нужно исходить из засвидетельствованных в русских говорах сложных слов с тем же значением „крикун, грубиян”, и с тем же корнем *горло*, что и *горлопан*: *горлопáй(ка)*, *горлопáнья*, *горлопúня*, *горлопял*, *горлопят*, *горлопятина*, *горлúпник* (СРНГ VII, 42 - 43). Вторую часть этих слов можно, по-видимому, связать с глаголом

⁴³ Ср. однако и своеобразное „предвосхищение” процесса словосложения сочетаний на языковой периферии: лит. *глухая тетеря* и диал. *глухотетеря* (СРНГ VI, стр. 217).

⁴⁴ Подробнее об этом методе см. нашу статью: *Историческая фразеология: этнография или лингвистика?* „Вопросы языкознания” 1973, № 2, стр. 21 - 34.

⁴⁵ Приводимые без указаний на источник примеры взяты из указ. соч. А. К. Кошелева, стр. 52 - 53.

⁴⁶ М. Фасмер, указ. соч., стр. 442.

⁴⁷ Н. М. Шанский, В. В. Иванова, Т. В. Шанская, *Краткий этимологический словарь русского языка*, Москва 1971, стр. 110.

пять, пну „натягивать”, „растягивать”. Этот глагол, обычно с распространением в *пляют*, активно образует фразеологизмы со значением „кричать”: *рот распялить* (Д. IV, 74), *пляют рот* (СФС, 155; Орел 1972, 243), *распялить хайло* (СФС, 156), *адище пляют* (СРНГ I, 207), *пляют вачегу* „плакать” (СРНГ IV, 77), *пляют варегу* (СРНГ IV, 48 - 49), *распéлить вилы* (СРНГ IV, 283) и под. Более того, глаголы со значением „открывать”, „растягиваться” и под. формируют многочисленные ряды фразеологизмов по той же модели: *зевать рот*, *разинуть рот*, *разунуть хайло*, *разявить рот*, *разгаять зевало*, *рот растарашить*, *рот расщеперить* и мн. др.

На фоне этой фразеологической модели реконструкция форманта *-пан* в слове *горлопан* как корня *реп- кажется вероятной.

Кроме опасности смещения и затемнения модели, по которой образовано сложное слово в процессе имплицирования сочетания, при фразеологической трактовке первых необходимо постоянно учитывать и семантическую, и синтаксическую разноплановость, которые могут стоять за каждым исходным словосочетанием. Соотношение сложного слова и фразеологизма, как подчеркивал еще И. И. Срезневский, весьма разнообразно и опасность заключается в том, что „это разнообразие нисколько не отпечатывается на внешнем виде слов и поэтому нередко трудно отгадать, что именно выражает слово: слово *ветрогон* могло произойти из выражений *гнать по ветру*, *гнать ветер* и *гнать ветром...*”⁴⁸ Критерием проверки той или иной гипотезы о соотношении сложного слова и фразеологизма может стать в таких случаях большое количество образований по тождественной модели.

3. АФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ИМПЛИЦИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Этот тип имплицирования фразеологизмов — наиболее последовательное и эффективное устранение фразеологического противоречия „раздельноформленность : семантическая целостность”. В результате такого имплицирования слово полностью отрывается от сочетания, ставшего его основой. Один из компонентов утрачивается, „шифруясь” словообразовательным формантом. Поскольку денотационная амплитуда последних возрастает по мере увеличения их продуктивности и распространенности⁴⁹, то аффиксальное имплицирование „шифрует” один из компонентов фразеологизма гораздо последовательнее. При словосложении сохраняются, с небольшими формальными изменениями, оба компонента сочетания. При эллипсе „намеком”

⁴⁸ И. И. Срезневский, указ. соч., стр. 251.

⁴⁹ Подробнее об этом, с указанием литературы, см. в нашей статье: *Словообразовательный анализ в рамках тематической группы (на материале псковской географической терминологии)*, „Studia Rossica Poznaniensia” 1972, z. 3, s. 75 - 89.

на утраченный компонент остается фразеологический контекст и даже — как при субстантивации — форма оставшегося компонента, требующая подстановки существительного в определенном роде и числе.

При аффиксальном же имплицировании сочетания информации об утраченном компоненте, по сути дела, не остается: аффикс, его заменяющий, обычно слишком полифункционален, чтобы играть роль формального или семантического „намека”. Так, фразеологический прототип глагола *баклушничать* или *канителиться* можно восстановить лишь потому, что современный язык сохранил в активном употреблении обороты *бить баклуши* и *тянуть канитель*, значение которых и стержневой компонент соответствуют приведенным глаголам. Сложнее найти глагольный компонент разговорного слова *сачковать*, ибо оно теперь гораздо шире по употреблению, чем исходное сочетание *бить са́ка (сачка́)* „бездельничать”, зафиксированное, например, на Псковщине.

Реконструкция утраченного компонента по аффиксу осложняется уже в том случае, если известно и слово, и сочетание, на основе которого образовано первое, но при этом последнее синонимически варьируется. Так, в 1973 г. в дер. Шики Островского р-на Псковской области записано слово *комедить* „притворяться смешным и глупым”. Оно — явный результат конденсации литературного оборота *ломать комедию*, имеющего варианты *играть комедию* и *корчить комедию*. Какой именно из глаголов — *играть*, *ломать* или *корчить* — „закодирован” словом *комедить*? Принципиальная трудность ответа на этот вопрос понятна без комментариев.

Еще более сложна реконструкция утраченных компонентов широко известных живой речи фразеологизмов, имеющих лексические параллели. Так, известно многообразие славянских диалектных сочетаний, образованных по модели „распускать” + „губы” → „плакать” (*распускать губы*, *развешивать нюни* и под.). Можно ли с уверенностью восстановить активно варьирующийся глагольный компонент подобных оборотов на основе слов *разнюниться*, *разгрэбнуться*, *разбрылиться*, *разрюмиться* „расплакаться” (Д. IV)?

Возможность восстановления компонента фразеологизма по его аффиксально имплицированной форме, столь относительная при наличии активно употребительных параллелей „фразеологизм : лексема” становится намного относительнее при отсутствии такого параллелизма. Последнее же — характерная для лексики ситуация, если учесть факт диахронического предшествования двучленной номинации одночленной (А. А. Потехина, Я. Розвадовский, А. В. Исаченко, И. С. Торопцов и др.). Большинство слов давно утратили следы былой двучленности: ее можно реконструировать лишь чисто условно этимологическим путем, напр., для праславянской лексемы **bolto* (*болото* и др.) — **bolto more*⁵⁰. Масса современной лексики образуется не путем прев-

⁵⁰ См. этот и другие примеры в нашей статье: Семантическая конденсация и групповой анализ лексики (славянская географическая терминология), „Вестник Ленинградского государственного университета” 1968, 14, вып. 3, стр. 117 - 125.

ращения двучленной, описательной формы в одночленную с добавлением аффикса, а по продуктивным словообразовательным моделям. Словообразовательная модель делает этап семантической конденсации весьма условным. Четкое разграничение слов, образованных по моделям, от слов, созданных конденсацией реального сочетания, во многих случаях почти невозможно. Этот факт налагает особую ответственность на фразеологов, пытающихся установить „сочетательные” истоки слова.

Соблазн подобных попыток тем более велик, что фактически каждое слово, имеющее прозрачную мотивировку, можно разложить на сочетание: *воплощать* — *облекать в плоть*, *приструнить* — *держат в струне* (ср. *по струнке ходить*), *окрылять* — *придать крылья*, *осерчать* — *сделать что-л. в сердцах*, *рассобачиться* „разругаться” (Д. IV, 48) — *облаять друг друга как собаки*, *осоветь* — *стать сонливым как сова* и под.

Нельзя сказать, чтобы все такого рода „реконструкции”, прямо сводящие яркую внутреннюю форму с сочетанием, были заведомо неверны. Так, последняя из приведенных трактовок находит подтверждение в английской типологической параллели *to be drunk like an owl* — „быть пьяным как сова”, *to be drowsy like an owl* — „быть сонным как сова”, что делает реконструкцию русского устойчивого сравнения вероятным. Важно, однако, чтобы такие попытки доказывались лингвистическими аргументами, в первую очередь привлечением большого количества фактов моделируемого порядка.

Примером такой аргументации может служить новая этимология слова *ошеломить*, предложенная недавно А. Е. Супруном. Традиционная трактовка, по сути дела, предполагает фразеологическое происхождение этого глагола: от „ударить обухом по голове” (Фасмер III, 179) или „сбить шлем с нее”⁵¹. Но белорусский славист, привлекая словообразовательные, семантические и акцентологические факты, убедительно доказывает, что *ошеломить* — производное от сущ. *шело* (белор. *шóлам* и др.) „шум” и расшифровывается как „снабдить шумом в голове”⁵². Нетрудно заметить, что при новом толковании слово *ошеломить* не может быть признано конденсатом какого-то сочетания образного характера, а создано по распространенной словообразовательной модели (ср. *охлаодить*, *огородить* и под.).

Еще более усложняется исходный прототип того или иного слова при искажении его формы под воздействием ложноаналогических ассоциаций. Так, ряд глаголов со значением „воображать, форсить”, записанных в псковских говорах, создают впечатление конденсатов устойчивого сравнения, подобных *осоветь*: *выкобѣливаться* < *вести себя как кобель, *выкобыливаться* < *вести себя как кобыла, *выкозуливать* < *делать что-н. как коза. Ср. контексты: „Што

⁵¹ Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская, указ соч., стр. 321.

⁵² А. Е. Супрун, *К этимологии русского ошеломить, белор. ашаламіць*. В сб.: *Русское и славянское языкознание. Сборник к 70-летию Р. И. Аванесова*, Москва 1972, стр. 244 - 249.

ты выкъбѣливъѣишься как капеешный пряник” (Ашевский р-н, д. Черемши); „Выкабыливались, по́лку запупырку пляса́ли” (Великолукский р-н, Печаный Ручей); „Зачем выходить, он (задира) будет выказуливать ишшо́” (Пустошкинский р-н, д. Лосно)⁵³. Узость ареала, единство значения, не вытекающего из метафорических мотивировок как *кобель*, как *кобыла* и как *коза* и, наконец, ограниченный словообразовательный потенциал этих глаголов доказывают принадлежность последних к глаголу *кобенить* (*кобениться*, *выкобениваться*, *перекобенить*, *выкобениться*, *искобениться*, *покобениться*, *раскобенить* и под., записанные в живых говорах), связываемому этимологами с исходным значением „крюк”, „изгиб” и под. (Фасмер II, 267). Исходная мотивировка слова *выкобениваться* „выламываться, кривляться”, следовательно, была искажена, искусственно метафоризирована (resp. фразеологизирована) аналогией с лексемами *кобель*, *кобыла* и *коза*.

Нужно сказать, что случаи ложноаналогического переосмысления слов обусловлены фактом активности процесса конденсации наряду с процессом образования слов по моделям. Так, синонимом глаголов *выламываться* и *выкобениваться*, образованных по модели, является слово *выкомáриваться*. Оно, вероятно, является конденсатом сочетания *танцевать комаринского*⁵⁴. Рядом с группой глаголов „модельного” образования типа *ошеломить*, *оглушить* и под. находим глагол *околáчить* „обмануть, одурачить кого-н.”, восходящий к сочетанию *надеть на кого-н. колпак, накрыть колпаком* (Д. II, 143, 666)⁵⁵.

Комментируя подобные случаи, следует еще раз подчеркнуть весьма большую относительность разграничения „чисто” словообразовательных (моделированных) типов лексем от конденсированно-фразеологических, ибо при создании лексем оба способа как правило тесно взаимодействуют. Эта относительность вытекает и из принципиально важного для проблемы номинации факта отсутствия четких граней между синтаксисом и лексикой⁵⁶.

Подчеркивание вышеприведенных, в сущности этимологических труд-

⁵³ Примеры взяты из картотеки „Псковского областного словаря”, Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина, Ленинградский государственный университет, (КПОС).

⁵⁴ См. контекст, записанный в д. Извоз Новоржевского р-на Псковской обл. (КПОС): „На святках в нас начинают ряжа́ца, цы́ганам абдѣльваща, ходют, многа надáрят, а ани выкамáривают, пляшут”.

⁵⁵ Ср.: „Жена мужа колпаком накрыла или в колпак нарядила.” (Д. II, 143). Характерно, что в разговорной речи этот оборот постоянно оживляется. Так, в телефильме „Двенадцать мгновений весны” эссеовец Мюллер постоянно повторяет фразу „Они у меня под колпаком”, т.е. „я веду за ними наблюдение” (дек. 1973 г.).

⁵⁶ Ср.: В. М. Никитевич, *О минимальной номинативной единице и предмете ономотологии*. В сб.: *Проблемы лексикологии*, Минск 1973, стр. 118. Характерен в этом отношении способ конденсации сочетаний, совмещающий и конденсацию, и словообразование по модели, который Л. И. Ройзензон называет „вторичным включением” (типа *лакирашки*, „лакированные туфли”, *киношник*, „киномеханик” и под.): „Вторичное включение” как явление словообразования, *Этимологические исследования по русскому языку* 1972, вып. VII, стр. 169-174

ностей взаимоотношения „сочетание”: „слово” было необходимо здесь прежде всего потому, что оно показывает неправомерность трактовки каждого слова как источника реконструкции словосочетания. Без учета такого ограничения проблема аффиксального словообразования на основе имплицирования фразеологизмов была бы весьма упрощена.

Имплицирование сочетания при аффиксальном словообразовании — проблема, добротнo изученная в указанных работах по конденсации, универбизации, включению и под. Обычно в таких исследованиях подчеркивается, что суффиксация — самая распространенная форма конденсации⁵⁷. Это убедительно подтверждается и наблюдениями над имплицированием фразеологии, при котором даже иностранные обороты типа франц. *comme il faut, faire la cour, mauvais ton* „обкатываются” русскими словообразовательными формантами: *камилъфóтный, комилъфóтность, ферлякúрить, ферлякúрничать, моветóнный, моветóнность* и под.⁵⁸ Каким бы сложным и прихотливым не оказывался путь от фразеологизма к слову, он неизменно завершается такой словообразовательной „обкаткой”, в которой основную роль играет именно суффиксация: *попасть в просак > испросáчиться* (Д. II, 57), *тёртый калач > тёртыш* (Д. IV, 401), *беречь как зеницу ока > назенкóвый, назенíчный (мой)* „дорогой, любимый” (Д. II, 416) и под. Нами специально выбраны результаты имплицирования фразеологизмов, оказавшиеся на периферии языка и в какой-то мере окказиональные (*ферлякурничать, тертыш* и под.), а не хорошо известные случаи типа *баклушничать, насобачиться, балясничать, вздыбиться* и т.д.⁵⁹ Они лишний раз подчеркивают продуктивность рассматриваемого способа имплицирования фразеологизмов.

Выше уже говорилось, что при имплицировании данным способом утрачиваемый компонент весьма общо „кодируется” формантом. В этом плане *ошеломить* и *околпачить* или *баклушничать* и *бездельничать* в принципе не отличаются друг от друга, особых, специфичных для конденсирования сочетания в слово, аффиксов нет. Нельзя не отметить, однако, возможность аффиксов развивать нечто похожее на функциональную специфику при имплицировании фразеологизмов, хотя такая специфика проявляется в рамках общесловообразовательного функционирования форманта. Таким формантом может быть, например, суффикс *-ся*⁶⁰. Известно, что он активно используется при

⁵⁷ A. Sopira, *Univerbizácia a elipsa v terminológii*. В кн.: *Zborník jazykovédnych metodických prací*, Praha 1965, s. 39 - 52.

⁵⁸ А. М. Бабкин, *Фразеологизм и слово*. В сб.: *Вопросы теории и истории языка*. Сборник, посвященный памяти Б. А. Ларина, Ленинград 1969, с. 146.

⁵⁹ Примеры такого рода см.: Р. Н. Попов, указ. соч., стр. 6 - 7; Н. М. Шанский, *О словах, возникших на базе фразеологических оборотов*, „Русский язык в национальной школе” 1960, № 6, стр. 75 и сл. и др.

⁶⁰ Термином „суффикс” (а не традиционно „частица”) его называет Н. М. Шанский, аргументируя это название диахронически: *Почему -ся не частица*, „Русский язык в школе”

имплицировании фразеологизма в слово: *сматывать удочки* < *сматываться*, *морищить лицо* < *морищаться* и под.⁶¹ Исследователи справедливо подчеркивают, что в таких случаях глагольный компонент „как бы вбирает в себя” значение всего фразеологизма.⁶² Характерно, однако, что такое „вбирание” происходит строго унифицировано, в одних и тех же конструкциях глагол+сущ. в Вин. пад. ед. ч.: *скалить зубы* — *скалиться*, *таращить глаза* — *таращиться*, *пялить глаза* — *пялиться*, *потупить голову* — *потупиться*, *зажмурить глаза* — *зажмуриться*, *щурить глаза* — *щуриться*, *нахохлить перья* — *нахохлиться*, *насандалить нос* „напиться пьяным” — *насандалиться* (Д. II, 466) и мн. др.⁶³ Учет местоименного происхождения суффикса *-ся* наталкивает на мысль, что при подобном имплицировании последний выполняет свою исконную функцию: заменяет имя, т.е. опущенный компонент. Эту его функцию, возрожденную именно процессом имплицирования, можно в какой-то мере назвать специфичной для этого процесса, хотя она — в диахронической проекции — характерна и для других случаев образования возвратных глаголов.

Разумеется, пример с суффиксом *-ся* особый, ибо для последнего способность замещать утрачиваемый компонент обеспечивается его недавним прошлым. Но в какой-то мере эта способность, при ограничениях, отмеченных выше, свойственна и другим суффиксам, участвующим в имплицировании. Чем выше полифункциональность и „многозначность” суффикса, тем больше опасность омонимии, созданной путем поглощения одним и тем же суффиксом различных компонентов сочетания⁶⁴.

Подводя итоги нашего обзора способов имплицирования фразеологизмов, следует подчеркнуть, что в нем не делалось попытки исчерпать проблематику каждого из них в общезыковом плане или дать детализированную классификацию того или иного способа. Как показывают работы, на которые делались выше ссылки, это более широкие задачи, выходящие за рамки чисто фразеологической проблематики. Целью этого обзора было показать общие фразеологические проекции эллипса, словосложения и аффиксального словообразования, зарегистрировать основные способы превращения большего контекста в меньший, выявить возможности восстановления утраченных компонентов для каждого из типов имплицирования.

1972, № 5, стр. 128. Ср. также нейтральный термин — „возвратный элемент”, предлагаемый Б. Ю. Норманом: *Переходность, залог, возвратность*, Минск 1972.

⁶¹ См., напр., о подобном виде свергывания фразеологизмов: Л. И. Ройзензон, И. В. Абрамец, *Совмещенная омонимия в сфере фразеологии*, „Вопросы языкознания” 1969, № 2, стр. 59 - 60.

⁶² Ю. А. Гвоздарев, *Фразеологические сочетания современного русского языка*, Ростов-на-Дону 1973, стр. 64.

⁶³ Ср., однако, и возможность употребления в таких конструкциях Тв. пад.: *трепать языком* > *трепаться* и под.

⁶⁴ Подробнее о развитии такого рода омонимии при конденсации см. в нашей статье *Семантическая конденсация и групповой анализ лексики*, указ. соч., стр. 121 - 123.

THE WAYS OF IMPLICATION OF THE PHRASEOLOGICAL UNITS

by

VALERYJ MOKYENKO

Summary

The article deals with the problem of the implication of the Russian phraseological units (with other Slavonic parallels, especially Polish). Implication is a lexical reflexion of the known principles of the "economy of speech" accented by A. Martinet and early analyzed in the word-formational aspect by N. Kruszewski, A. Potjebnja, A. Isatschenko, N. Schanski and other scientists.

Three main ways of the implication of the phraseological units are concretely analyzed: ellipsis of the word combinations, the word-composition and the affixal word-formation.

Ellipsis leads to the gradual breaking off of the phraseological units with the large context, to its demotivation, i.e. to transformation of an idiom. Especially in this aspect are regarded the ellipsis of the phraseology, accompanying by the substantiation.

The word-formation of the units is the most motivated way of the solving of the contradiction „differentiation of the form: semantic unity". Affixal word-formation is the most effective losing of the same contradiction.

The described ways of the implication are regarded in the phraseological projection, especial attention is payed to the dynamics of the phraseology.